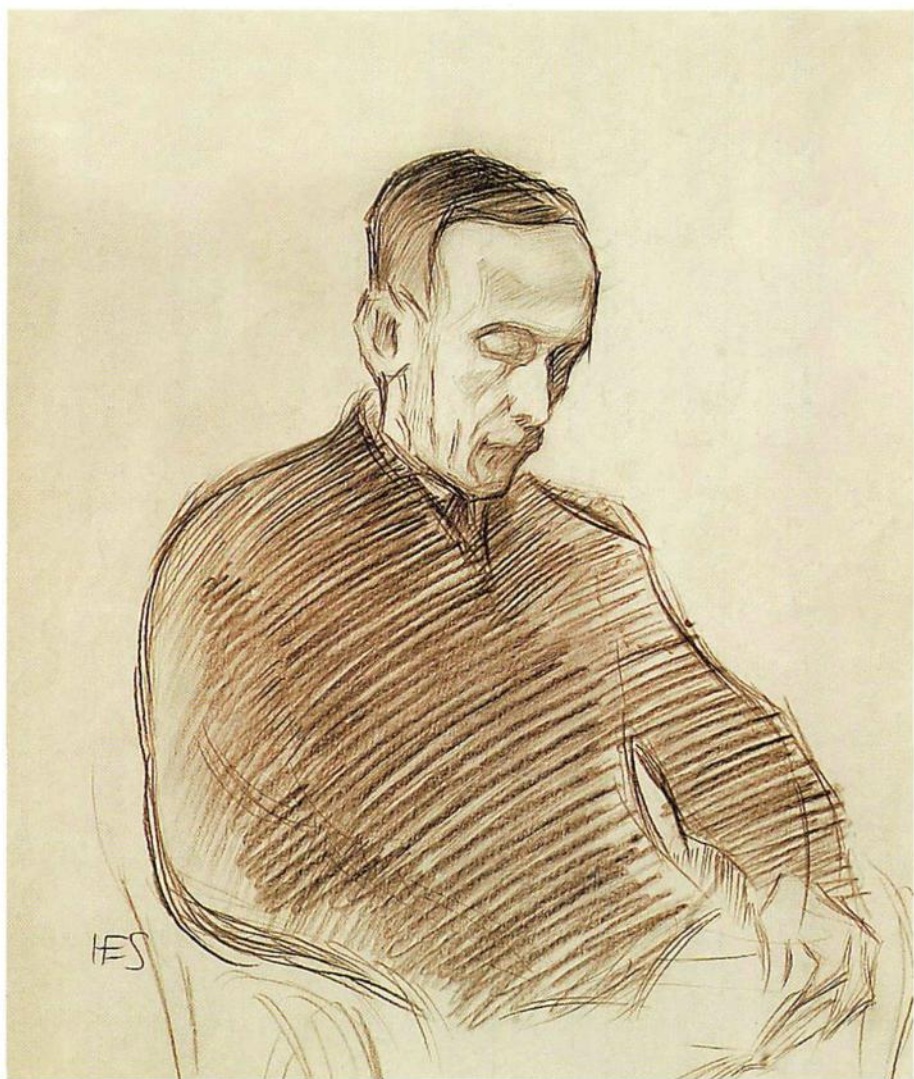


Пол Гундерсен

ПАВЕЛ НИКОЛАИ ИЗ МОНРЕПО

ЕВРОПЕЕЦ, НЕ ТАКОЙ КАК ВСЕ



Серия «УСЛЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА»

Послушайте детей. Прислушайтесь, наконец...

составитель *Аньет Кемпбелл*

•

Элен Гизан-Деметриадес

Незримое присутствие

•

Бернард Луис

Ислам и Запад

•

Пол Гундерсен

Этот неисправимый индивидуалист.

История жизни одного финна

•

Поль Турнье

Услышать человека

•

Филипп Лобстейн

Уроки раздумья.

Педагогика нравственного развития

•

Майкл Хендерсон

Прощение.

Разрывая оковы ненависти

•

Пол Гундерсен

Павел Николаи из Монрепо.

Европеец, не такой как все

PAUL GUNDERSEN

PAUL NICOLAY OF MONREPOS

A European With A Difference

**Ajanpaino Oy
Helsinki
2003**

Пол Гундерсен

ПАВЕЛ НИКОЛАИ ИЗ МОНРЕПО

Европеец, не такой как все



БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ

СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

Москва

Пол Гундерсен

ПАВЕЛ НИКОЛАИ ИЗ МОНРЕПО

Европеец, не такой как все

Перевод: Олег Корнеев
Редактор: Ирина Языкова
Корректор: Юрий Маслов
Верстка: Виктория Старикова

Данный перевод английского издания книги Пола Гундерсена
Paul Nicolay of Monrepos: A European With A Difference
печатается с согласия автора

This translation of *Paul Nicolay of Monrepos: A European With A Difference* by Paul Gundersen, originally published in English in 2003, is published by arrangement with the Author

Книга рассказывает об известном общественном деятеле и религиозном мыслителе — о бароне Павле Николаи. В нем жила душа реформатора, источниками глубочайшего вдохновения были для него Христос и Евангелие. Он первым приступил к работе среди заключенных в России и охватил своей деятельностью всю Сибирь. Деятельность Николаи не знала никаких границ: ни классовых, ни расовых, ни географических, ни религиозных. Влияние этой личности прослеживается на протяжении всего XX века.

ISBN 5-89647-016-9

© Hanna Frosterus-Segerstråle, обложка: портрет Павла Николаи
© Paul Gundersen, 2003
© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие	12
Корни	15
От привилегий к служению	23
Обращение к миру	37
Цель жизни	46
Революция	64
Свобода	72
Библиография	76

Проф. Сергей Подболотов

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Совсем недавно могильная плита с именем человека, о котором повествует эта небольшая книга, была поднята со дна Выборгского залива. В России во времена советского лихолетья имя барона Павла Николаи было предано забвению, и даже его могила на маленьком островке в восхитительном парке Монрепо близ Выборга была осквернена. Однако в период расцвета России имперской семья баронов Николаи, принадлежавшая к избранному кругу российской аристократии, была широко известна и в России, и в Европе.

У русского читателя, возможно, до сих пор сохраняется насаждавшееся в советские годы карикатурное представление об аристократах — якобы сплошь чванливых, праздных баронах да графьях. Между тем серьезные историки отмечали, что в XIX веке

российская знать была самым образованным, культурным, космополитичным классом Европы. Герой нашей книги Павел Николаи свободно говорил на шести языках, не считая латыни и греческого. Монрепо, усадьба рода Николаи, сейчас понемногу восстанавливаемая трудами энтузиастов, было, несомненно, как и многие другие дворянские поместья, важным культурным центром с прекрасной библиотекой.

Перед бароном Павлом Николаи, чьи предки верой и правдой служили русским императорам со времен Павла I, открывались блестящие перспективы государственной карьеры, но он выбрал иной, необычный путь. Николаи стремился посвятить себя христианскому служению ближним: он, много путешествуя, начал помогать заключенным в тюрьмах и проповедовать. Значительные последствия в его жизни имела встреча в Европе с профессором Джоном Моттом (Mott), руководителем Всемирной студенческой христианской федерации. Барон Николаи решил, что его призвание заключается в христианской работе со студентами, прежде всего, в России.

Задача эта в предреволюционные десятилетия была не из легких. Русские студенты, во всяком случае в своем большинстве, тогда служили иным богам. Студенчество шло в авангарде революции, дух скептического отрицания традиционных ценностей заставлял «самый передовой» слой общества с самонадеянностью молодости насмешливо отвергать веру отцов. Существовало и другое препятствие: барон Николаи был лютеранином, а служить ему предстояло в православной стране. Впрочем, Павел Николаи всегда подчеркивал, что прозелитизм ему совершенно чужд. Он стремился, небезуспешно, находить со своими православными друзьями общий язык.

Стараниями Павла Николаи и его соратников христианские группы возникли во многих русских университетах, а Монрепо превратилось в центр христианского студенческого движения. Мы очень мало об этом знаем: ведь революция разгромила движение. Сам Николаи чудом спасся в Монрепо, когда от классового гнева красных его защитили работники усадьбы, видевшие от него столько

добра. Ближайший сотрудник Николаи православный профессор Владимир Марцинковский из Самары был брошен в большевистский застенок, а затем выслан из страны. Коммунистическая Россия оказалась отрезана от Монрепо границей с независимой Финляндией. Но барон Николаи умирал с непоколебимой уверенностью верующего в то, что внешняя победа зла — временна, а семена внутреннего обновления, которые он старался сеять в сердцах людей, поведут в Жизнь Вечную.

Вряд ли в мире найдется человек, который мог бы рассказать о Павле Николаи лучше, чем автор этой книжки — Пол Гундерсен. В межвоенные годы он бывал в Монрепо, где всё еще говорило о прежнем хозяине, и встречал тех, кто хорошо знал барона. Один из этих людей — дядя автора книги Алекси Лехтонен (Lehtonen), архиепископ Финляндский, встреча которого в молодости с бароном Николаи оказала глубокое, решающее воздействие на всю его жизнь. Пол Гундерсен, чей жизненный опыт также чрезвычайно поучителен и ценен (он описан в его книге «Этот

неисправимый индивидуалист», вышедшей в издательстве ББИ в 2002 году), в свою очередь, посвятил себя деятельности по примирению между народами и выработке новых идеалистических основ, прежде всего, в этике бизнеса, строя свою работу во многом на тех же основаниях, на которые опирался барон Николай.

Впервые специальная книга о нем выходит в стране, которой барон в основном посвятил свою жизнь. Имя Павла Николаи, чьи космополитическое происхождение, широкое образование и взгляды, вероятно, позволяли ему чувствовать себя дома во всей Европе, было известно во многих странах, а его пример воодушевлял верою живущих христиан, его друзей и последователей по всему миру. Но более всего барон отдал свои силы и таланты России.

Санкт-Петербург, август 2003 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Весной 2002 года я совершенно неожиданно получил удивительное письмо из российского города Выборга. Руководитель Государственного музея Монрепо написал мне, что он и его сотрудники прочитали мою книгу «Этот неисправимый индивидуалист»*, изданную за год до этого на русском языке в Москве. Особый интерес у них вызвала последняя глава книги, в которой рассказывается о бароне Павле Николаи, чей род на протяжении четырех поколений был неразрывно связан с поместьем Монрепо. У них возникло желание как можно больше узнать об этом замечательном человеке, о перипетиях его судьбы в России и за рубежом. Письмо положило начало установлению между нами

* Гундерсен П. Этот неисправимый индивидуалист. М., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002.

активных контактов, которые вскоре привели к нашей встрече и обмену мнениями в Выборге.

На Западе мало знают о тех выдающихся подвижниках веры, чья жизнь проходила в Восточной Европе и деятельность которых оказывала значительное влияние на события в их странах, нередко определяя новые тенденции в развитии целых народов. Одним из тех, кого еще предстоит заново открыть для себя жителям Запада, является Павел Николаи (1860-1919). Послание, которое он возвестил миру, имеет непреходящее значение.

С самого детства мне хорошо знакомо имя Павла Николаи. Некоторые из моих старших родственников встречались с этим человеком, а один из них даже работал с ним, совершал совместные миссионерские поездки. В конце тридцатых годов мне, тогда еще подростку, довелось вместе с двумя моими родственниками побывать в Монрепо. Впечатления от усадьбы и особенно от рассказов о судьбе Николаи остались с нами на всю жизнь.

Существует несколько биографий Павла Николаи на шведском и финском языках, есть также очерк на русском языке, написанный

профессором Владимиром Марцинковским. Также можно найти многочисленные сведения о нем в энциклопедических статьях и биографических сочинениях, посвященных, например, д-ру Джону Мотту и другим, с кем сотрудничал Николаи.

В этой книге мне хотелось бы дать краткий рассказ о судьбе Павла Николаи, о том значении, которое его жизнь и деятельность могут иметь для нас, для современного мира. Я благодарен д-ру Сергею Подболотову из Санкт-Петербурга, д-ру Яну Парсонсу, священнику из Австралии, Беате аф Хальстрем и моей жене Еве за их неоценимые помощь и поддержку.

Хельсинки, февраль 2003 года

Пол Гундерсен

Корни

Летом 2002 года я побывал в усадьбе Монрепо. Меня провели среди старинных построек, переживающих сегодня стадию медленной, тщательной реставрации. Мы переправились на маленький каменный остров Людвигштейн, названный так в честь прадеда Павла Николаи. На этом острове похоронены члены семьи Николаи. Со дна озера был поднят черный могильный камень весом в две тонны, на котором под слоем ила водолазы на ощупь обнаружили выгравированные буквы — «Павел Николаи». Во время последней войны этот камень был сброшен в воду. Теперь он будет возвращен на свое исконное место. Тогда Выборг, второй по величине финский город, был присоединен к Советскому Союзу. Монрепо было летней резиденцией семьи Николаи до тех пор, пока Павел Николаи не поселился здесь постоянно. Вплоть

до самой его кончины в 1919 году поместье служило центром всей деятельности этого подвижника.

Предки Павла Николаи принадлежали к высшему кругу, были приближены и к царской семье в Петербурге. Глубокое чувство своего призвания к служению обществу заставило Павла отказаться от многих привилегий того образа жизни, который он унаследовал в силу своего происхождения. В нем жила душа реформатора, источниками глубочайшего вдохновения были для него Христос и Евангелие. Он одним из первых начал работать среди заключенных в России и своей деятельностью охватил всю Сибирь. Он стал вторым человеком во Всемирной студенческой христианской федерации после ее лидера Джона Мотта. Деятельность Николаи не знала никаких границ: ни классовых, ни расовых, ни географических, ни религиозных. Влияние этой личности прослеживается на протяжении всего XX века. Во многих странах мира люди по-прежнему спрашивают о нем, желая узнать, в чем состоял секрет его силы и авторитета.

Павел Николаевич Николаи родился 14 июля 1860 года в Берне в семье российского

дипломата. Первые девять лет своей жизни он провел в Швейцарии. Всю последующую жизнь он испытывал привязанность к этой стране и не раз туда возвращался. И его отец, и дед были дипломатами, послами России в Западной Европе. Его отец, Николай, родился в Копенгагене.

Семья их имела шведские корни, самый дальний из известных им предков переехал в свое время из Швеции в Любек. Другой представитель этого рода отправился в Страсбург, где и родился прадед Павла Людвиг фон Николаи. Он учился в Париже, где его представили Дидро, другим французским энциклопедистам и выдающимся людям того времени. Через несколько лет он переехал в Вену в качестве личного секретаря российского посла. В 1769 году Людвиг фон Николаи был призван к российскому императорскому двору в Петербурге, где стал придворным учителем царевича, будущего императора Павла. Позже он занял должность секретаря имперского кабинета министров и возглавил Российскую академию наук.

Император Австрии Франц Иосиф II и русский царь пожаловали Людвигу фон Николаи

дворянское звание. Бабушкой Павла Николаи по отцовской линии была французская княгиня Александрина Симплисье де Брожль (Alexandrine Simplicie de Broglie). Ее семья иммигрировала из Франции, и она обучалась в Смольном институте в Петербурге. Три ее брата воевали против Наполеона. Одна из дочерей впоследствии вернулась во Францию, где стала настоятельницей женского монастыря в Нормандии. Сын Александрины Луи сделал блестящую карьеру в русской армии, после чего уехал из страны и поступил в монастырь Ла Гранд Шартрез во Франции. Матерью Павла Николаи была прибалтийская княгиня Софья Мейендорфф (Meuendorff). Его дядя возглавлял администрацию Тифлиса, а затем занял пост министра образования России. У Павла Николаи было три сестры — Мария, Алина и Софья. Братьев у него не было. Семейство было столь обширно, что у него были родственники почти во всех европейских странах.

На фамильном гербе баронов Николаи был изображен серебряный крест на синем фоне, вокруг креста располагались четыре

золотые звезды. Девиз, начертанный на гербе, гласил: «Sustine et abstine» («Сохранять и воздерживаться»). Жизнь Павла Николаевича — российского государственного служащего, миссионера в местах лишения свободы, лидера всемирного студенческого движения — стала воплощением этого фамильного девиза. И хотя широкая общественная деятельность требовала его присутствия в самых различных частях Земного шара, подлинная цель его жизни была в России, в состав которой входило тогда Великое княжество Финляндское.

Резиденция Людвига фон Николаевича находилась в самом центре Петербурга, когда в 1788 году он приобрел Монрепо в качестве своего летнего дома. Через двадцать лет он стал полноправным хозяином целого поместья, в котором раньше располагались дворцы для коронованных особ и резиденция русских губернаторов Выборга. На территории поместья трудились 614 крестьян-арендаторов. Главное здание и библиотека представляли собой прекрасные образцы архитектуры XVIII века, окруженные удивительно красивым приморским парком.

Во времена Николаи Выборг был одним из самых открытых городов Северной Европы, динамично развивающимся торговым и культурным центром, воротами в Российскую империю. На его улицах можно было услышать русскую, финскую, шведскую, французскую и немецкую речь. Благодаря дипломатической карьере своего отца Павел Николаи уже в раннем возрасте познакомился со всеми главными городами Европы. Он свободно говорил на русском, французском, немецком, английском, а впоследствии, также на шведском и финском языках. Он знал греческий и латынь. Жизнь в Монрепо сблизила его с финским народом. Судя по всему, в его семье было принято общаться между собой по-французски, что являлось обычным делом среди представителей высших сословий императорской России того времени. После смерти отца, которую Павел Николаи пережил в раннем возрасте, его забрали в дом брата отца Александра Николаи и его жены княгини Чавчавадзе. Дядя тогда занимал пост министра образования и оказывал огромное влияние на культурную жизнь России. Он решил, что Павел должен поступить

на юридический факультет Петербургского университета. Он говорил: «Дворянин должен служить своей стране». Павел неохотно согласился: он питал интерес к истории. Одним из увлечений его было фехтование. Сразу после получения диплома его взяли на службу в канцелярию Сената, и это должно было стать началом блестящей чиновничьей карьеры. После одного из придворных балов Павел с некоторой долей иронии заметил, что теперь он может «умереть спокойно, после того как на протяжении двух танцев ему довелось держать руку самой императрицы».

Но однажды судьба приняла оборот, совершенно отличный от того пути, к которому готовил себя Николаи и по которому, как полагали окружающие, он должен был уверенно идти. И тут как нельзя кстати оказался для него приобретенный им опыт международного общения. Гражданину мира, рожденному и воспитанному в достаточно комфортной и безопасной среде, было суждено подчинить свою жизнь призванию, которое сделало его странником и преданным борцом за мир во имя Христа.

Павел Николаи был по своему характеру застенчив и не любил внимания публики. Но он всегда относился с заботой к окружающим его людям, и подчиненные отвечали ему своей преданностью. У него было тонкое чувство юмора. Он любил детей, и дети стремились к нему. Всю свою жизнь он был слаб здоровьем и страдал от астмы, что порой делало его излишне раздражительным. Но он боролся со своими слабостями, порой даже пытаясь обратиться к ним на пользу делу. Его последующая богатая событиями жизнь содержит немало примеров такого рода.

От привилегий к служению

В строгой атмосфере полного роскоши дома семьи Николаи, в котором прислуга была одета в ливреи и присутствовали все прочие подобающие атрибуты, религия не играла значительной роли. Тем не менее мать Павла Николаи, необычайно добрая и самоотверженная женщина, сохранила в себе живую веру и стремилась приобщить детей к христианской культуре. С раннего возраста она приучила их каждое утро посвящать пятнадцать минут изучению Библии. Образ матери и то влияние, которое она оказала на Павла, остались с ним на всю жизнь. Уже в ранние школьные годы Павел Николаи проявлял необычайно сильное чувство долга, которое часто соседствовало у него с критическим отношением к самому себе и стремлением найти непреодолимую грань, разделяющую добро и зло.

В 1889 году, уже находясь на государственной службе в канцелярии Сената, Павел Николаи едва не умер от напавшей на него тяжелой болезни. В следующем году он отправился на конференцию в британский город Кезвик. Там у него состоялась встреча с лордом Радстоком (Radstock), аристократом, занимавшим высокое положение в обществе, пережившим радикальный переворот в своем мировоззрении и отказавшимся от своего прежнего образа жизни. Все свои силы Радсток направил на служение царству Божьему, на установление справедливости среди людей различных классов и социального происхождения. Он делал щедрые пожертвования общественным организациям и оказывал помощь иммигрантам. Сам Радсток испытал на себе влияние английского политика Вильяма Вильберфорса (Wilberforce), чья борьба за запрет работорговли явилась результатом глубоких и необратимых изменений, произошедших в его собственной личности.

Поездка в Кезвик стала поворотным пунктом в жизни Николаи. Умиротворенная атмосфера встречи произвела на него глубокое впечатление. В его дневнике появилась

запись: «Я восстановил мой союз с Иисусом Христом». Пробуждение общества в России, ставшее результатом четырехлетней деятельности лорда Радстока в этой стране, оказало на него огромное влияние. Когда в 1874 году Радсток был в Париже, кто-то из российских дипломатов пригласил его в Санкт-Петербург. Здесь его принимали в самых различных аристократических домах. После того как крупный владелец недвижимости и медных рудников полковник В. А. Пашков познакомился с Радстоком, его особняк стал центром всей этой деятельности. Вскоре стало известно, что сам Пашков начал оплачивать труд своих работников по более высоким ставкам, чем это делали другие предприниматели, а также давать ссуды нуждающимся. Его дом со всеми бальными залами был открыт для представителей любых сословий: как для рабочих, крестьян, студентов, конюхов, прачек, так и для высокопоставленных персон. Радсток и его последователи проводили разъяснительную работу по всей стране. Им на помощь прибывали люди из-за границы. Так, например, на три месяца приезжал Джордж Мюллер (Müller) из Бристоля, лидер движения по работе среди бездомных детей.

Такое стремление к бесклассовому обществу воспринималось как нечто совершенно новое, и вскоре оно вызвало ожесточенное сопротивление с самых различных сторон. Константин Победоносцев, глава Священного Синода, наставник царей Александра III и Николая II, стал фанатичным противником нового движения и препятствовал всячески его деятельности. В этом не было ничего удивительного: он был известен своей подозрительностью в отношении любой независимой деятельности, в особенности, проводившейся среди низших слоев общества, и стремился держать под своим контролем Польшу и Финляндию. Радстоком и его друзьями занялась полиция, и им пришлось искать защиты при дворе. В итоге Пашкова выслали из страны.

Проникшись этими новыми для себя идеями, Николаи все острее ощущал необходимость понять смысл и направление своей собственной жизни. Он больше не мог вести прежний, полный достатка и всяческих привилегий, образ жизни, закрывая глаза на бедность и страдания простого народа. Он принимает кардинальное решение быть отныне преданным одному лишь Иисусу Христу,

стремиться узнать и осуществить то предначначение, которое, как он чувствовал, было предначертано ему Богом. «Я готов, дай мне силы», — напишет он в дневнике. Шаг за шагом он преодолевал власть традиций и условий. Он был из тех людей, кто привык неспешно обдумывать свои действия, но как только он принимал решение, оно становилось окончательным. Это был человек, склонный к всестороннему размышлению перед принятием волевого решения, в меньшей степени ему было свойственно поддаваться под власть эмоций. Разрыв со старым образом жизни должен был с неизбежностью привести к конфликту с родственниками и даже мог вызвать критическое отношение со стороны членов императорского дома.

Николай спрашивал себя, что он может сделать для наиболее обездоленных слоев общества. Он начал посещать петербургские больницы, собирать вокруг себя группы горожанских извозчиков. Он хотел помочь им обрести смысл жизни, цель, которая могла бы возвысить их над уличной повседневностью с ее ничтожными заработками. В своем дневнике он пишет, что несколько лет спустя один

из извозчиков узнал его на улице и рассказал о тех переменах, которые произошли в его жизни.

Николаи страстно любил море. В 1890 году он вместе с двумя друзьями на своей яхте «Lady» стал посещать рыбацкие дома, разбросанные вдоль побережья Финского залива. Он прекрасно понимал, что у него было совсем мало опыта и что возможности его были ограничены, но он во что бы то ни стало хотел донести людям то, что он открыл для себя: внутренний мир, надежду и смысл жизни. Он совсем не был готов к тому, чтобы встречаться и общаться с простыми крестьянами и рыбаками, но он чувствовал в себе сильную привязанность к этим людям. Финские рыбаки порой с удивлением смотрели на этого тщедушного господина, приносившего с собой полную сумку книг и говорившего с иностранным акцентом. Но они просили его посетить их больных родственников и в качестве спонтанного выражения благодарности угощали его молоком, яйцами и картошкой. В эти путешествия Николаи приглашал тех своих друзей, кто мог бы на примере своего жизненного опыта подтвердить то, о чем он

обычно рассказывал людям. Несмотря на те опасности, которые могли подстергать их маленькую яхту в осеннюю штормовую погоду, он со своими друзьями доставлял экземпляры Библии для моряков русских военных кораблей, стоявших в Финском заливе.

За эти годы Николай многому научился. Это послужило для него хорошей подготовкой к значительно более трудному испытанию — работе в переполненных российских тюрьмах, чем ему предстояло заниматься с 1896 по 1908 год. Николаи узнал о выдающихся достижениях Матильды Вреде (Wrede), финской баронессы, занимавшейся претворением в жизнь реформы системы исправительных учреждений. Часто работая в тесном контакте с ней, Николаи посвятил эти годы своей жизни помощи российским узникам, в том числе тем, кто находился в заключении в Сибири. Он стремился вернуть надежду этим несчастным и всеми забытым людям. Он писал: «Я отдаю себя как раба, — именно, как раба». Он постоянно упоминает о той «индивидуальной работе», которой он занимался, хотя часто ему разрешали выступать и перед группами

заключенных. Он посетил более двадцати городов, в которых находились тюрьмы, от Архангельска до Екатеринбурга, Красноярска, Иркутска и многих других сибирских городов. Он встречался с заключенными и тысячами ссыльных, с теми, кому уже нечего было ждать, кроме смерти. Особенно обрадовались его приезду в финской колонии в Омске. В Тобольске он встречался с ссыльными поляками. В Томске у него состоялось 657 бесед с заключенными. Во время этих напряженных поездок Николаи непрерывно мучили болезни. Кроме того, он часто страдал от внутренних противоречий, от осознания того, что он не соответствует тем требованиям, которые предъявляет к нему его деятельность. Иногда ему казалось, что силы оставляют его и большего он сделать уже не сможет.

С целью создания сети деятельных объединений граждан непосредственно на местах он начал брать с собой в поездки по различным городам молодых активистов. Во время одной из таких поездок он выступал в роли переводчика Ф. В. Бидекера (Baedeker) из Великобритании, чья деятельность распространялась на места лишения свободы

вплоть до Камчатки. Княгини Ливен и Гагарина предоставили для работы Николаи свои дома в Санкт-Петербурге. Его ближайшим другом и сподвижником в этот период был Александр Максимовский, юрист и впоследствии глава российской комиссии по делам тюрем, неустанно стремившийся использовать свое положение для воплощения в жизнь христианских принципов, которых он сам придерживался.

В те годы возможности легальной общественной и политической деятельности были сильно ограничены. Социальная несправедливость и бедственное экономическое положение населения достигли ужасающих размеров. Существовала непреодолимая пропасть между основной массой населения и немногочисленными представителями привилегированных сословий. Повсюду вокруг себя Павел Николаи видел нереализованный человеческий потенциал, люди были жертвами сложившихся обстоятельств. В воздухе висел вопрос о том, что могло бы стать лучшим лекарством для общества: революция, демократизация или повышение культурного уровня населения. Николаи понимал, что эффективность

любой новой системы будет зависеть от того, произойдет ли обновление самих людей, смогут ли они обрести те качества, которые заставят систему работать. России было необходимо «обновление самой внутренней сущности народа посредством обретения подлинных идеалов и непоколебимой надежды — силы, обрести которую можно, только приобщившись к самому источнику жизни, Иисусу Христу». Понимание этого помогло ему преодолеть пропасть, которая, как он чувствовал, отделяла его от российского студенчества.

Новый этап в жизни Николаи начался в 1899 году в Хельсинки, где он познакомился с д-ром Джоном Моттом, юристом по профессии и лидером действовавшей на всех континентах Всемирной студенческой христианской федерации. ВСХФ была основана в Вадстене, в Швеции, Джон Мотт стал ее председателем. Мотт поинтересовался у Николаи, возможно ли организовать подобную деятельность в России. «Россия — страна великих возможностей, — услышал он в ответ. — Если мы будем упорны в наших молитвах, то двери

откроются». Затем они вместе отправились в Россию: эта была первая из их многочисленных совместных поездок. В том же году в доме книготорговца Грота закипела организационная работа.

Российский университетский мир пребывал в состоянии брожения. Большинство студентов отвернулись от Церкви и от Бога, политика заменила им религию. Другие, — те, для кого революционные идеи были столь же неприемлемы, как старые порядки, — предавались поиску гедонистических наслаждений. За революционную активность часто исключали из университетов, пассивность же нередко приводила к апатии и нравственному разложению. Самоубийства стали массовым явлением среди студентов.

Николай продолжал обдумывать сложившуюся ситуацию, пытаясь решить, кто бы мог осуществить эту, казавшуюся невыполнимой, задачу — расшевелить российское студенчество, приобщить его к новым идеалам. Однажды вечером во время выступления Джона Мотта в доме княгини Ливен в Санкт-Петербурге ясная мысль пронзила сознание Павла: «Возможно, этот человек — я. Разве

Бог не позволил мне вырасти, получить образование и начать работать в этой стране вместе с моими православными друзьями и в то же время помог мне установить отношения с христианами из Западной Европы, с тем чтобы теперь я смог выполнить эту задачу?». Он знал о том, что силы у него не безграничны, его часто посещали сомнения в том, насколько полно он может соответствовать взятой на себя роли. Все это заставляло его колебаться перед принятием решения, но в конце концов он, полагаясь всецело на волю Божию, сделал окончательный выбор и принял на себя всю полноту ответственности.

В 1899 году в возрасте 39 лет он оставил свою должность в Сенате, где, как он сам писал, «на протяжении четырнадцати лет служил императору». Пришла пора посвятить все свое время служению одному лишь Богу, чего бы это ни означало. Он знал, что его призвание состоит в том, чтобы работать для студентов всего мира и, особенно, для российского студенчества. Он молился о «наставлении и защите». Некоторое время он еще продолжал свою деятельность в тюрьмах, пока, наконец, работа со студентами не стала отнимать у него все время.

Многие удивлялись тому, как Павел Николаи смог распространить свое влияние в новых для себя условиях. Ключевым пунктом его мировоззрения были страстная целеустремленность и сострадание к людям. Его целью было подлинное преображение жизни людей, и он хорошо понимал, что никакие интеллектуальные усилия сами по себе не способны породить к жизни что-либо новое.

Павел Николаи никогда не знал студенческой жизни в обычном понимании этих слов. Он не жил на чердаках и в подвальных помещениях, где студенты обычно дрожали от холода, склонившись над книгами, и вели бесконечные споры по поводу социальных теорий. Он не был революционером и не имел проблем с полицией. Таким образом, существовала огромная пропасть между ним и теми, кому он собирался служить. Но любовь к этим людям, о ниспослании которой он так горячо молился, разрушила все барьеры и позволила ему приступить к решению задач, за которые он, следуя своей природной интуиции, никогда не взялся бы. Желая как можно скорее приступить к делу, он принял решение открыть свой зимний дом в Петербурге для

студентов, все большее число которых стремилось приобщиться к тайне, проповедуемой Николаи.

Павла Николаи очень многое связывало с Матильдой Вреде. Все были уверены, что они со временем поженятся. Но они в полном единстве между собой решили, что брак и семья не совместимы с их призванием и тем жизненным путем, который они для себя избрали. Они оставались близкими друзьями и находили различные пути, чтобы помогать друг другу в своей деятельности. Далеко не всегда им было легко. Годы спустя он будет писать в своем дневнике о той одинокой дороге, которую он для себя избрал: «Я сожалею о том, что не женился в молодости, а теперь уже слишком поздно». Время от времени его сердце пронизывала боль. Но он продолжал утверждать, что у женатого человека не было бы ни желаний, ни возможностей для того, чтобы работать для студентов так, как это делал он.

Обращение к миру

Во время долгих периодов своей жизни в Выборге Павел Николаи имел возможность побывать в различных районах Финляндии. Он был основным докладчиком на многочисленных студенческих конференциях, проводившихся с 1905 по 1911 год. Благодаря Николаи студенческие движения в России и Финляндии развивались в тесном взаимодействии друг с другом. Для финских студентов он постепенно стал своим человеком и чувствовал себя в Финляндии как дома. Он стал надежным и проверенным другом для многих руководителей Финской церкви. Он также установил плодотворные контакты с представителями Конгрегационалистской церкви. Действуя изнутри, на уровне личных связей, Николаи стал видным реформатором церковной жизни Финляндии. Будучи юристом по профессии, то есть человеком вполне мирским, он получил прозвище «пастырь духовенства».

В России его деятельность также расширялась, охватывая все новые и новые университеты в Петербурге, Москве, Киеве, Самаре, Ростове, Воронеже и в других городах. Почти двадцать лет своей жизни Николаи посвятил студенческому движению.

В промежутках между своими делами в России Николаи часто выезжал по приглашениям в самые разные части света. Он выступал на конференциях, проводимых под эгидой Всемирной студенческой христианской федерации в Оксфорде, Лозанне, Базеле, Цюрихе, Люцерне, Константинополе, Софии, Соединенных Штатах Америки, Японии и во многих других местах. Всюду он сталкивался с растущим интересом к событиям в России. Благодаря таким поездкам многие присоединились к его работе в России.

В 1913 году Николаи был приглашен в Америку, в Принстон, а также принял участие в работе всемирной ассамблеи в Лейк-Мохонке. В этой поездке его сопровождал Алекси Лехтонен, молодой финский богослов, впоследствии ставший архиепископом Финляндии. Там, помимо других встреч, у них состоялось знакомство с Фрэнком Бухманом

(Buchman), который в тридцатые годы будет инициатором создания «Оксфордской группы»*. Николаи был избран вице-председателем конференции. Там присутствовала также группа православных студентов из России, и, таким образом, российское студенчество стало полноправным членом всемирной федерации. Это обстоятельство, — то, что они стали частью всемирного товарищества, — вдохновило российских студентов, которые нередко чувствовали себя забытыми и изолированными от остального мира.

Всевозрастающие усилия Николаи получали поддержку со стороны его близких друзей. Архиепископ Натан Седерблом (Söderblom) и князь Оскар Бернадотт (Bernadotte) из Швеции были среди его самых верных союзников. Он очень дорожил своими друзьями из Великобритании: д-ром Бидекером, г-жой Пенн-Льюис (Penn-Lewis), Кэноном Б. Х. Стритером (Streeter). Когда на протяжении долгого времени Николаи страдал от малярии, к нему в Санкт-Петербург приезжали такие друзья,

* «Оксфордская группа», которая в последствии была известна как движение *Moral Rearmament* («Моральное перевооружение»), ныне — *Initiatives of Change* («Инициативы перемен»).

как Шервуд Эдди (Eddy) и знаменитый своей миссионерской деятельностью в Китае Хадсон Тэйлор (Taylor). Николаи черпал вдохновение в словах Тэйлора о том, что «деяния Бога проходят через три этапа: когда они кажутся невозможными, когда очень трудно и когда все свершилось». Также к Николаи приезжал Роберт Вайлдер (Wilder), заместитель директора Филадельфийского сообщества. Он был женат на норвежке, и они часто приглашали Николаи к себе в Норвегию, в свой дом на озере Мьёса, где Павел мог чувствовать себя как дома.

В 1902 году все большее число православных студентов присоединялись к петербургской организации Николаи, и власти не препятствовали этому. Студенты стремились обрести взаимопонимание с народом своей страны и чувствовали, что на них возложена историческая задача. Однако в последующие годы возникли различные трудности и начались гонения. Деятельность Николаи часто подвергалась агрессивным нападкам. Радикалы обвиняли его в том, что он отвлекает студентов от политической борьбы, им заинтересовалась полиция, а некоторые

представители православных кругов выдвинули против него обвинение в сектантстве.

В 1898 году генерал Николай Бобриков был назначен генерал-губернатором Великого княжества Финляндского. Его программа массовой русификации и отмены особого статуса Финляндии получила поддержку царя Николая II. Царь отказался принять представительную финскую делегацию, прибывшую с целью передать ему декларацию, подписанную 523 тысячами граждан, в которой был выражен протест против совершавшихся несправедливых действий и беззаконий.

Павел Николаи не участвовал в политике, но он не мог пассивно наблюдать за тем, как беззастенчиво нарушаются самые фундаментальные права людей. Вместе с Матильдой Вреде он отправился на встречу с петербургским митрополитом Антонием с целью убедить его походатайствовать перед царем по данному вопросу. Митрополит ответил, что он не обладает должным влиянием, на что Николаи сказал: «Каждый честный человек обладает влиянием. Тот, кто знает, что такое

добро, и не совершает его, поступает греховно». Митрополит отправился на встречу с царем.

В 1905 году Россия сотрясалась от насилия и политических катаклизмов, вела затянувшуюся войну с Японией. Соратник Павла Николаи Александр Максимовский пал от рук одного из студентов-террористов. Перед смертью Максимовский просил о снисхождении по отношению к своему юному убийце. У Николаи возникли проблемы в отношениях с лютеранской церковью. Судя по всему, некоторые из ее священнослужителей отказывались понимать те цели, к которым стремился Николаи. Он всячески пытался убедить их в том, что он не выступает ни «за», ни «против» какой-либо отдельной церкви. Однажды он заявил: «Я за одного только Бога и против греха». Время от времени полиция вместе с лютеранской церковью Петербурга предпринимала попытки остановить его. Несмотря ни на что, Николаи продолжал свою деятельность. Вся работа была сконцентрирована вокруг небольшой группы безусловно преданных ему людей. В дневнике Николаи можно

обнаружить многочисленные примеры того, каким большим подспорьем стала для многих его деятельность. Немало студентов, уже подумывавших о самоубийстве, обрели для себя новый смысл жизни. В промежутке между всеми этими событиями Николай вместе с Джоном Моттом совершил поездку по различным европейским университетам, среди которых были учебные заведения Берлина, Лозанны, Базеля и Цюриха.

Затем, когда в 1905 году царь пообещал народу новую конституцию, а Победоносцев ушел со своего поста, наступили более благоприятные времена. После поражения революции 1905 года и завершения продлившегося несколько лет периода социальных потрясений в стране получила определенное развитие свобода слова и собраний. В 1909 году Николай сообщил Мотту, что теперь стало возможным приступить к работе во всех российских университетах. Перед ним стали открываться одна дверь за другой, и это «в стране, где невозможно было ничего предпринять, если только сам Бог не встанет во главе нового движения». Он развернул активную деятельность в Москве, Киеве, Харькове, Одессе,

Владивостоке, нередко сталкиваясь с повышенным интересом к себе со стороны полиции. Не только Россия открыла свои университеты для нового движения, но и такие восточноевропейские столицы, как Белград, Бухарест и София, в которой собравшиеся активисты заполнили собой самую большую университетскую аудиторию.

Постепенно Павел Николаи становился бесспорным лидером российских студентов-христиан и видным деятелем всего международного движения. Его дипломатический опыт и стратегическое видение реальности помогли ему пробудить очень многих людей к активному участию в движении. Но было очевидно, что не столько сила его интеллекта и умение убеждать производили впечатление на окружающих, сколько непоколебимая искренняя вера. Николаи никогда не пытался препятствовать свободомыслию или подавлять неудобные ему взгляды. За это его уважали студенты. И в то же время он знал, что никакие интеллектуальные упражнения сами по себе не могут возродить человека для новой жизни. Николаи начал решительную борьбу против тех болезней, которыми

страдала студенческая Россия: одиночество, отсутствие уверенности в себе, нравственное разложение.

Когда разразилась Первая мировая война, Николаи пришел к выводу, что общественные потрясения, которые ждут Россию после окончания войны, могут оказаться страшнее самой войны. Но он твердо придерживался своего убеждения, что «у Бога есть план» и что его обязанность состоит в том, чтобы сохранять веру, что бы вокруг ни происходило. Сама по себе война способствовала распространению деятельности Николаи в глубь России. Он писал Мотту, что многие студенты были призваны в армию и что теперь, как никогда ранее, их взгляды получали распространение во все новых регионах страны.

После революции 1917 года поместье Монрепо стало единственным прибежищем Николаи. Последние годы своей жизни он в значительной мере посвятил помощи народу Финляндии в его борьбе за независимость. В 1919 году он по-прежнему встречался со студентами в Петербурге, который к тому времени был переименован в Петроград.

Цель жизни

Будучи лютеранином, Павел Николаи никогда не стремился обратить студентов в свою веру, но надеялся помочь им обрести цель в жизни, которая бы осталась с ними до конца дней. Один из русских студентов вспоминал: «... нас никогда не пытались отлучить от церкви наших отцов, скорее, наоборот, мы получали более глубокое понимания ее обрядов и новое стремление служить нашей церкви, как это подобает настоящим христианам». Николаи избегал малейших попыток поставить свою деятельность на службу какой-либо одной конфессии.

Профессор Владимир Марцинковский, ревностный сторонник православия, сын православного священника, стал самым близким сподвижником Николаи. Одно время Марцинковский был профессором этики в Самарском университете. Он присоединился к числу сторонников Николаи в 1904 году еще во

время своей учебы на философском факультете Петербургского университета. Через девять лет Марцинковский оставил службу для того, чтобы посвятить все свое время работе со студентами российских университетов. В 1915 году он уже отвечал за работу студенческого движения в Москве. Благодаря ему Николай смог уделить часть своего времени университетам Тарту в Эстонии и Риги в Латвии. Николай всегда стремился находить среди россиян тех, кто смогли бы стать активистами и лидерами этого движения. Преданность, проявленная Марцинковским, стала для него мощным вдохновляющим фактором.

В своей деятельности Николай исходил из убеждения, что новое мышление может укорениться в России благодаря студенчеству. Он всегда помнил, как Мотт подчеркивал важность образования тех, кто будет образовывать других и вставать во главе народов. Джон Мотт писал: «Подумайте о том, что преданные вере мужчины и женщины займут все руководящие посты в обществе: вот цель, ради которой стоит работать. Подумайте только, что они смогут совершить: им не будет преград». Николай часто говорил как о первоочередной

задаче о необходимости воспитывать таких людей, которые бы могли способствовать установлению царства Божьего во всем мире. Ему были нужны соратники, способные на большие свершения. Он был убежден в том, что никакая система не спасет Россию, если в стране не будет достойных людей. Он также знал и то, что организация общества, принятая на Западе, не подойдет для России: стране было необходимо найти свой собственный путь.

Николаи не раз говорил, что университеты не должны уподобляться «вражеским крепостям», но им следует стать крепостями царства Божьего. Он призывал финских студентов вести активную работу в российских университетах. Занимаясь с русскими студентами, он обращал особое внимание на духовные запросы тех, в ком видел потенциальных лидеров.

«Для чего вы живете?» — Николаи часто задавал студентам этот вопрос, от ответа на который зависели содержание и значимость жизни. В какой бы области они потом ни работали — в бизнесе, сфере образования, промышленности, на государственной службе, самым главным призванием для них должны

были стать исполнением воли Божьей и претворение в жизнь своей части божественного плана. «Когда это и только это станет главным смыслом вашей жизни, вы обретете цель, которая никогда не поблекнет, и никакие обстоятельства не будут в силах пошатнуть или затмить ее. Тогда вы будете знать, что не зря прожили свою жизнь». Перед каждым человеком стоит своя неповторимая задача. «Мне нужны оригиналы, а не копии», — так говорил Николаи.

Он стремился опираться на активное волевое начало в личности человека и учил не полагаться на одни эмоции. Тот, кто всецело отдает себя во власть чувств, не сможет выстоять перед трудностями. Он особенно утвердился в этом убеждении во время своего пребывания в Великобритании. Один из товарищей Николаи говорил, что у него было удивительное умение вовлекать новых людей в свою деятельность, не подавляя при этом индивидуальные особенности каждой личности.

Для того, чтобы воплотить все эти положения в конкретные действия, Николаи призвал студентов набраться мужества и научиться сверять свои поступки с требованиями,

содержащимися в Нагорной проповеди: «видеть, какие мы есть, и какими мы должны быть». Поступать так, все равно, что смотреть на себя в «волшебное зеркало». Первым на Божий призыв откликается наше сердце, затем сознание и, наконец, воля. Нагорная проповедь является тем высшим мериллом, по которому нам следует сверять свою жизнь. Она учит терпению и мужеству, позволяющему не идти на поводу у мнения большинства, помогает сохранять доброту и спокойствие, когда все вокруг теряют голову, призывает нас быть честными даже по отношению к людям, которые не вызывают у нас симпатии.

«Пребывание в мире с Богом требует от нас подлинного сосредоточения на одном лишь предмете — встрече с живым Богом», — говорил Николаи. Особое внимание он обращает на необходимость сохранения чистоты помыслов, представлений и всей жизни в целом. Необходимо полностью подчинить свою волю Богу и бесстрашно исполнять все его повеления.

Николаи сам часто ощущал, что ему чего-то недостает, чувствовал «утечку, рассеяние духа». Тогда он решил хотя бы один час каждое

утро посвящать молитве и медитации перед Богом. Он постепенно проникался силой, которую порождает безмолвное созерцание. Ключевыми аспектами его духовного роста были внимание и послушание. Он чувствовал в себе потребность ежедневно обращаться к истинному источнику жизни. Непрерывное очищение и обретение подлинной ясности — вот к чему он стремился. «Ты должен быть подобен камню на быстрой реке», — любил говорить Николаи. Он отмечал, что лучший способ сохранения истинного опыта состоит в том, чтобы передавать его окружающим. По его собственному признанию, именно ежедневные молитвы и медитации вдохновляли всю его деятельность и помогали находить решения при любых обстоятельствах. На этом опыте сосредоточил свое внимание Николаи, даже находясь на смертном одре: «Святой Дух, пребывающий в нашем сознании, позволяет нам услышать глас Божий». Позже Оскар Бернадотт рассказывал, насколько важную роль играли в жизни Николаи те часы, которые он проводил в молитвенном созерцании.

Настаивая на важности таких качеств, как сострадание и мужество, Николаи говорил

о том, что необходимо иметь простую веру, такую, какая свойственна детям: «Вложи свою руку в десницу Божью, и пусть Он ведет тебя». Осознавая свои слабости и недостатки, он имел глубокое сострадание по отношению к окружающим. «Повернись спиной к греху и лицом к Богу», — вот его обычные слова. Николаи говорил о «новом мире, который берет начало в тебе и во мне».

Ю. С. Грачев в своей книге, посвященной российскому христианскому студенческому движению, пишет, что «Николаи обладал способностью находить путь к душам людей, но он не ограничивался этим, а всегда стремился оказать практическую помощь студентам, многие из которых вели более чем скромное существование». Николаи мог часами беседовать с кем-либо из студентов прямо в его чердачной комнатухе. Когда же он уходил, то та или иная проблема, беспокоящая этого студента, была разрешена, или деньги, необходимые на аренду комнаты, уже лежали у него на столе. Студенты видели в нем друга, способного понять, разделить с ними их трудности, человека, которому они могли бы без опасения открыть свою душу.

Он никогда не обещал легких решений. Новый путь, который он открыл для себя и на который предлагал вступать другим, означал не только свободу, но и необходимость заплатить за нее высокую цену. Это было ключевым моментом, позволявшим ему влиять на разум и души студентов. В 1909 году в Оксфорде он говорил о различии, которое существует между душой по-литетански несерьезным отношением к работе во имя Бога и подлинным служением: тот, кто хочет заниматься настоящим делом, должен быть готов к тому, что ему придется пожертвовать многим. «Любительщина не ведет к царству Божьему», — повторял не раз Николай. То, что это означало для него самого, он выразил так: «Мы должны отложиться в сторону все наши пристрастия в том, что касается места и времени нашей работы; нам не следует брать в расчет деньги, здоровье и даже саму нашу жизнь. Это может означать необходимость покинуть свою страну, жить в самых отпугивающих условиях, быть непонятым и оклеветанным. Это может означать бесконечные переезды; некоторым, возвратиться, придется даже стать мучениками и пожертвовать собственной жизнью. Надо

всегда быть готовым придти на помощь людям, пережить множество разочарований, пройти через тяжелые периоды растерянности».

Комментарии к Библии, написанные им для студентов и впоследствии изданные на многих языках, содержат указание на то, каким, по его представлению, должно быть соотношение между верой и действительностью. Вера не должна, посредством показных чувств и ложного энтузиазма, маскировать внутреннее состояние человека: «Христианин должен быть подобен товару на витрине магазина, который виден целиком со всех сторон и не нуждается в дополнительной рекламе». Автор биографии Николаи профессор Осмо Тиилила (Tiililä) приводит такие его слова: «Наша главная задача — прославлять Бога посредством всей своей жизни».

Еще в 1898 году Павел Николаи принял решение: «Девизом моей жизни должен стать отказ от эгоизма под великим знаменем креста». В это время он писал: «Когда ты забываешь о себе, ты также забываешь обо всех своих мечтах и помыслах, в которых “Я” играет главенствующую роль». И далее в его дневнике

идут рассуждения о том, что служение должно включать в себя жизнь человека, предавшего себя Богу, а это означает: исповедь, духовное возрождение, изгнание всего дурного, безусловная покорность, послушание, христианская дисциплина.

Его не интересовали богословские тонкости или религиозные обряды как таковые. Он не уважал тех профессиональных богословов, у кого не было личного духовного опыта. Для него была важна сама сила, а не форма ее проявления.

Николаи знал, что многие вопросы веры имеют под собой не интеллектуальную, а нравственную подоплеку. Он постоянно стремился к тому, чтобы жить под водительством Святого Духа. Он не успокаивался, добившись отдельных успехов в нравственной сфере. Он считал, что необходимо обрести новую внутреннюю движущую силу. Он решительно указывал на то, что каждый должен сделать свой выбор. Будучи настроен очень суровым по отношению к греху, он призывал студентов порвать всяческие связи с этим злом. Он пользовался самыми простыми примерами для того, чтобы показать правомерность

своего требования: «Если вам в палец попала заноза, бесполезно пить лекарство, каким бы хорошим оно ни было, или прикладывать пластырь к больному месту; единственное, что нужно сделать, это вытащить занозу. Точно так же дело обстоит и с грехом: его следует вырывать с корнем». Он говорил, что есть люди, готовые потратить время или деньги, но не готовые отдать самих себя и свою волю: «Если в ведре есть хотя бы одна дырка, оно уже не будет держать воду. Если, зная, в чем состоит Его воля, мы не подчинимся хотя бы по одному пункту, корабль нашей души пойдет ко дну».

Но Николаи не останавливался лишь на необходимости личного преобразования. «Если ты занимаешься собой ради самого себя, ты ничего не сможешь сделать для других, — писал он в дневнике. — Наши жизнь и вера должны быть связаны с жизнью вокруг нас. Не только безупречная жизнь, но и труд ждет каждого, кто пойдет за нами». Он замечал, что христиане его времени часто забывали о том, что христианское учение должно распространяться на все сферы жизни общества, включая производство и политику: «Мы должны

помнить о нуждах рабочего класса, знать обо всех социальных и иных проблемах общества и делать все возможное для их решения». Он подчеркивал, что, занимаясь всем этим, мы должны прежде всего думать о человеческой личности: «Нам следует вести борьбу не столько с проявлениями зла, сколько с его первопричинами». Просто удивительно, с какой тщательностью Николаи заботился о формировании характера у студентов и о понимании ими тех проблем, которые стоят перед обществом. В то же самое время он помогал им глубже проникнуть в тайны Библии.

У Николаи было горячее стремление найти новые пути осуществления социальной справедливости. Однажды власти Выборга выразили желание приобрести для развития города часть земли, относящейся к поместью Монрепо, и предложили за это хорошие деньги. Николаи, чье материальное положение значительно ухудшилось в результате революционных потрясений, ответил, что он согласится и на третью часть от предложенной суммы при условии, что в результате сделки не пострадает никто из крестьян, арендующих эти земли. Он считал, что многим обязан своим

работникам и в материальном, и в духовном смысле, и воспринимал себя лишь в качестве управляющего по отношению к своему состоянию, не считая себя вправе использовать его для одних лишь собственных нужд. Поначалу он хотел добровольно обложить свои доходы церковной десятиной, но потом посчитал это действие не имеющим особого смысла. Он делал щедрые пожертвования на деятельность Армии спасения, помогающей жителям городских трущоб Выборга. Как говорится, его левая рука не знала, что делает правая. Кто-то из друзей заметил, что очень трудно провести границу между личной жизнью этого человека и его служением обществу.

Николаи верил, что Бог заботится о судьбах народов, а раз так, то считал себя обязанным заниматься внешней политикой и всем, что с ней было связано. Он был убежден в том, что студенты призваны внести новую струю в развитие международных отношений. «У Бога есть решение всех проблем нашего века», — утверждал он. Свое выступление на всемирной ассамблее в Константинополе Николаи завершил призывом ко всем участникам сохранять на какое-то время

молчание перед Богом, «открыть свою жизнь для Его воли и служить Ему там, где Он сочтет это необходимым. Смысл жизни состоит в том, чтобы жить во имя Бога! Это означает не уход от мира, а жизнь под водительством Бога». Он подчеркивал, что у Бога есть замысел по отношению к каждому человеку, и хотел, чтобы его студенты смогли в полной мере реализовать заложенный в них потенциал.

Николаи вел работу среди поляков, евреев, болгар, немцев, латышей, эстонцев, армян, кавказцев. Он знал нужды и заботы разных народов, имел представление об обычаях и характерных чертах их представителей, хорошо разбирался в особенностях национальных церковных традиций. «Мы верим не в учение, а в Личность, — писал он в дневнике. — Христиане — это люди, в которых в большей или в меньшей степени прибывает Святой Дух».

Один финский богослов, получивший задание написать научное исследование богословского учения Николаи, жаловался на невероятную трудность поставленной задачи, так как для самого Николаи на первом месте всегда стояла жизнь, а уже затем богословие.

Другой богослов отмечал, что «Николаи производил сильное впечатление прежде всего своей личностью, а его богословское учение было, в общем, довольно слабым». Тем не менее комментарии к Библии, написанные Николаи, обрели огромную популярность.

Первоначально у Николаи не было определенного представления о том, какой должна быть Церковь. Он чувствовал, что «в Церкви мы обычно останавливаемся в своем развитии: нас успокаивает знание о том, что мы “спасены”, и мы отказываемся прикладывать все усилия для своего продвижения вперед». С грустью он отмечал, что его личный опыт общения с Церковью был неутешительным: «Ты сидишь, повернувшись спиной к сотне других людей». Он верил в ту пользу, которую может принести общение в рамках небольших групп единомышленников, где люди могут открыться друг другу. Однажды он заметил, что вообще очень трудно выработать правильную структуру для организма. Он полагал, что Церковь излишне отягощена условиями, и это сковывает свободу действий Духа. Но со временем его взгляды претерпели изменения, и он обрел твердую веру в возмож-

ности Церкви. На протяжении двух десятилетий практически все будущие министры Финляндии, а также сотни действующих руководителей слушали выступления Николаи. «Даже общественные институты могут стать носителями духовности!» — утверждал он.

Влияние, которым обладал Николаи, не поддается объяснению, если учитывать лишь его талант и общественное положение. Секрет его силы — это пламенная вера, но абсолютно лишенная фанатизма. Николаи представлял собой очень цельную личность, и в этом заключается главный стержень его жизни и духовного влияния. «Под словом “обращение” я понимаю полную капитуляцию личности перед Богом», — говорил Николаи. Тот, кто целиком и без остатка посвящает себя служению великой цели, с неизбежностью оказывается в некоторой изоляции от дорогих и близких ему людей. Это состояние было знакомо Николаи. Однажды он сказал: «Благословляет тот, кто сам истекает кровью».

«Для нас он был добрым самарянином», — рассказывал узник одной из сибирских тюрем. Многие студенты из самых бедных студенческих кварталов российских городов могли

подтвердить: «... он был для нас добрым отцом». Те, кто служили у Николаи в Монрепо, признавались: «Он был для нас добрым хозяином».

Те, кто знакомы с деятельностью международного движения, основанного несколько десятилетий спустя после описываемых событий д-ром Фрэнком Бухманом и начавшегося со знаменитой «Оксфордской группы», отмечают удивительную близость подходов, характерных для этого движения и для взглядов, которых придерживался Николаи. Их фундамент — признание Нагорной проповеди в качестве абсолютного нравственного стандарта, регулярное чтение Библии, безмолвное предстояние пред Богом, направленное на непосредственное восприятие божественной воли, безусловное послушание и преданное служение, умение работать в команде, стратегическое мышление и широкая социальная направленность деятельности. Бухман, с которым Николаи познакомился в Лейк-Мохонке, строил планы глобального масштаба. Его деятельность, направленная на развитие взаимопонимания и примирение между народами на основе изменений, происходящих в

сознании людей, получила всемирный резонанс. Николаи ориентировался на молодежь и считал своей задачей превратить университеты всего мира и, в особенности, те, которые находятся в Восточной Европе, в форпосты нового мышления. Это были близкие по духу люди. Главное, что их объединяет — стремление жить и трудиться под водительством Святого Духа. «Это сила, которую мы должны познать», — говорил Бухман. За сорок лет до этого Николаи спрашивал, почему в наших церквах так мало говорят о Святом Духе.

Интересно отметить, что многие молодые люди в Финляндии, бывшие перед Первой мировой войной сторонниками Николаи, в тридцатые и сороковые годы стали активно воплощать в жизнь идеи «Оксфордской группы». Среди них было немало епископов и политических деятелей. Самуэль Лехтонен (Lehtonen), сын архиепископа Алекси Лехтонена, сам ставший епископом Хельсинки, говорил, что, по мнению его отца, деятельность «Оксфордской группы» в точности совпадала с тем, чему учил Николаи. Выражаясь буквально, они соответствовали друг другу, «как перчатка соответствует руке».

Революция

Деятельность Николаи в российских университетах развивалась по нарастающей вплоть до начала Первой мировой войны. Во многих местах она не прекращалась и во время войны. Ближе к концу войны появились даже определенные оптимистические настроения относительно перспектив на будущее. Успешная деятельность Николаи встречала всевозрастающее сопротивление, особенно со стороны реакционных кругов православного духовенства. Однако многие светские руководители с уважением относились к работе, в результате которой у студентов формировалось чувство долга и гражданской ответственности.

Последние годы жизни Николаи были полны драматизма. В марте 1917 года российский царь отрекся от престола. В октябре власть перешла к большевикам, сформировавшим

Совет народных комиссаров во главе с Лениным. В следующем году произошло убийство Николая II и его семьи, началась активная борьба с противниками нового режима.

Вместе со всей страной Монрепо пережило ужасы войны. В сентябре 1917 года один российский офицер-артиллерист был повешен в саду на территории усадьбы. Вскоре еще двадцать семь офицеров царской армии были таким же образом казнены в Монрепо. В один из дней Николай с ужасом обнаружил тело своего племянника барона Штакельберга (Stackelberg), лежащее прямо на улице. Ближайший сподвижник Николай Владимир Марцинковский вспоминал, как во время его посещения Монрепо группа большевиков ворвалась в усадьбу с намерением арестовать Павла. Когда солдаты уже собирались схватить Николаи, один из крестьян вдруг закричал: «Нет, это же наш ангел-хранитель, он спас мою семью от голода!». Красноармейцы растерялись и быстро покинули усадьбу. Отношение Николаи к своим работникам никогда не зависело от их политических симпатий, хотя он и возлагал надежды на военную победу над большевиками.

Весь 1918 год Николаи, находясь в самой гуще событий, продолжал свою активную деятельность. Революция, начатая Лениным, охватила всю страну. Многие друзья Николаи были арестованы. Сам он тоже некоторое время провел под арестом. Все эти события заставили его покинуть Петроград и перебраться в Монрепо. Он писал Мотту: «Мы в России и здесь, в Финляндии, переживаем страшные времена, у нас идет гражданская война. Весь юг страны, включая Турку, Хельсинки, Тампере, Выборг, находится в руках красноармейцев, ближайших братьев российских большевиков». Николаи спрашивал себя, как должны вести себя христиане в такие времена. В своем дневнике, начатом в новом году, он писал: «Ужасный год — революция, война, голод».

И, тем не менее, с риском для себя Николаи провел в 1918 году несколько собраний в Петрограде на тему о том, как следует применять в повседневной жизни учение Нагорной проповеди. Лекция, с которой он выступал, называлась: «Се, творю все новое, — у Бога есть план». В самый последний момент ему удалось спасти из Монрепо уникальное

собрание из девяти тысяч старинных немецких книг. Он благополучно вывез эту коллекцию в Хельсинки, где она и поныне хранится в зале Монрепо библиотеки Хельсинского университета.

29 апреля Финской освободительной армии* удалось отбить Выборг у большевистских оккупантов. С этого момента и до самого окончания жизни Николаи его дом в Монрепо** был в безопасности. Война закончилась, и впервые в своей истории Финляндия обрела независимость. Николаи был просто потрясен тем, какая жажда мести охватила тогдашнее общество. Он использовал все свое влияние для того, чтобы предотвратить новые акции возмездия, направленные теперь против сторонников красных в Выборге. Свое обращение, опубликованное в выборгской прессе, он завершил призывом: «Пусть месть

* «Белая армия» под командованием маршала Маннергейма сражалась против «красных» — большевиков и их финских союзников.

** В настоящий момент Монрепо находится на территории России. В ходе Второй мировой войны в 1944 году большая часть финской Карелии, включая Выборг, отошла к Советскому Союзу.

и ненависть не омрачают собой светлый час рождения нашего нового, независимого государства».

За неделю до своей смерти в 1919 году Николаи написал Мотту, что из-за анархии и массового кровопролития он вынужден прекратить всю свою деятельность в России. Он писал, что Марцинковский все еще работал в Самаре, но возможность продолжения деятельности хотя бы одним из центров их организации была более чем сомнительна. Все его планы были разрушены, но его радовало хотя бы изменение отношения к нему и его работе со стороны православных иерархов. Свое письмо Николаи закончил словами: «Как видишь, в этом году у меня очень скудные новости, но это тьма перед рассветом. Царство Божье никогда не погибнет!». В своем дневнике он записал: «Разве имеет право солдат жаловаться на свою долю в то время, когда его командир распят на кресте?».

Семена, посеянные Николаи, продолжали жить в городах, деревнях и концентрационных лагерях. Многие его сторонники стали мучениками. Об этом Марцинковский писал в своей

книге. В 1913 году он оставил свою должность университетского профессора российской истории и, не получая за свою новую деятельность никакого постоянного дохода, полностью посвятил себя той работе, которую начал Николаи в российских университетах. Марцинковский бесстрашно продолжал эту деятельность и после смерти Николаи. Его не раз забирали в ЧК, но он каким-то образом мог даже тюремные камеры превращать в очаги новой жизни. Это был удивительно стойкий и бесстрашный боец. Перед своим последним арестом он спрашивал у матери: «Что мне делать: отказаться от своего права говорить или идти в тюрьму?». Он был единственной опорой своей матери, и тем не менее она сказала ему: «Иди в тюрьму!». В конце концов его отправили в ссылку. В середине 1990-х годов я встретился в Санкт-Петербурге с одним православным священником, который знал о Николаи и Марцинковском. Он сказал мне, что они произвели на него неизгладимое впечатление.

Павел Николаи опирался в своей деятельности в университетах на пять крупнейших городов России. Но движение, начатое им,

распространилось еще на двадцать восемь российских городов. Он умер в возрасте 59 лет 6 октября 1919 года в своем доме в Монрепо. За несколько недель до этого у него начались воспаленные окологлоточной железой и сильны приступы астмы. В сентябре ему стало немного легче. В это время он занимался вычитыванием корректуры своих выступлений, публикуемых в Швеции, работал над подготовкой к выходу в свет новых изданий русской литературы, писал письма. Одно из последних писем было адресовано его другу шведскому князю Оскару Бернадотту.

Когда Николаи был при смерти, к нему в Монрепо приехал тогда еще молодой брат-словацки Алекси Лехтонен. Николаи очень обрадовался, когда узнал новости о проведении в Дании первого послевоенного конгресса Всемирной студенческой христианской федерации. Николаи обратился к Лехтонену, молодому богослову, которого он называл «мой сын», с такими словами: «Держись, не теряй бдительности, ни при каких обстоятельствах не отказывайся от своих убеждений!». Это стало также его последним посланием, обращенным к студенческому движению.

Ю. С. Грачев рассказывает в своей книге о том, что огромные толпы людей присутствовали в Монрепо на похоронах Николая. Многие, несмотря на все трудности, прибыли из Петрограда.

Павел Николаевич был физически слабым человеком, большую часть жизни его мучили различные болезни, он не обладал блестящими ораторскими способностями, был, в известной мере, одинок, но его видение пути и его вера живы в сердцах бесчисленного числа людей.

Свобода

Как уже отмечалось, свобода была высшей целью, к которой стремился Николаи. Первоочередной задачей было освобождение личности от внутренних оков страха, эгоцентризма, похоти, равнодушия, уныния и неверия в собственные силы. На своем личном опыте он испытал освобождающую силу Христа и был уверен, что она способна помочь каждому. Но на этом он не останавливался. Достижение подлинной внутренней свободы для него являлось условием обретения свободы на всех уровнях человеческого существования. Человек, обладающий свободой духа, способен видеть истинное положение вещей и может принимать правильные решения во благо окружающих и всего общества в целом.

Бывший лидер Конгресса профессиональных союзов Финляндии незадолго до своей смерти говорил мне, что наиболее тревожной характеристикой современного Западного

мира является эскалация жестокости в сфере бизнеса и в обществе в целом. «Если ничего не предпринять для лечения этой болезни, то вскоре придется платить по счетам, и я боюсь, цена будет слишком велика». Сегодня многие с этим согласятся. Но задача состоит в том, чтобы в наших странах возникло разветвленное сообщество руководителей и простых граждан, способных по доброй воле взять на себя бремя подлинной заботы обо всех окружающих нас людях. По большому счету, это вопрос нашего выживания.

Фигура Николаи резко выделяется на фоне исторического контекста того времени. Он обладал ясным видением социальных проблем и четко осознавал, какую ответственность перед обществом должны нести те его члены, в руках которых сосредоточены материальные богатства. Во времена его детства считалось вполне нормальным, что лишь немногим избранным было доступно пользование всеми благами и привилегиями. Вместе с Матильдой Вреде они часто обсуждали несправедливое общественное устройство, при котором меньшинство получает в свое распоряжение все плоды материального производства, в то время как

остальные вынуждены влечить жалкое бремя существования. У них обоих выработалось близкое к ненависти отношение к предметам роскоши. «Многие христиане имеют односторонний взгляд на мир и не хотят открыть глаза на окружающие бедность и нужду», — говорил Николаи. Один финский профессор, на которого личность Николаи произвела неизгладимое впечатление, говорил, что «этот обладающий благородным сердцем человек своим личным примером показывал студентам, в чем состоит подлинная демократия».

Многие задаются вопросом, какими могли быть последствия для России, если бы Николаи и его соратникам, мирянам и священнослужителям, тем, чья деятельность имела в своей основе глубочайшую личную веру и осознание ими своего долга перед обществом, история предоставила больше времени для завершения начатого ими дела. Подумайте, например, какое влияние на развитие демократии в Великобритании оказала деятельность Джона Уэсли (Wesley). Между ним и Николаи есть точки соприкосновения.

Многие люди чувствуют, что и для сегодняшнего, изменившегося за прошедшие годы, мира послание Павла Николаи современно и актуально. Для многих Николаи – человек нашей эпохи. Выступая на переломном моменте российской истории, он доказал правоту и значимость своих убеждений и для этой страны, и для всего мира.

В настоящее время руководители Государственного музея Монрепо при помощи добровольцев из России и Финляндии прикладывают все усилия для того, чтобы возродить усадьбу после долгих лет запустения и разрухи. И это уже настоящий подвиг в области культуры. Может быть, Монрепо, находящееся сейчас под охраной ЮНЕСКО, станет местом, которое будет хранить память о Павле Николаи и о том жизненном пути, который он для себя избрал.

Библиография

1. Биографии Павла Николаи

- Langenskjöld Greta, *Paul Nicolay — En levandsteckning*, Holger Schildts Förlagsaktiebolag, Helsingors, 1921.
То же на финском: *Paul Nicolay — Elämätkuvaus*, WSOY, 1922.
- Pietilä Hannu, *Paul Nicolay — Aatelismies tulensytyttäjänä*, Kuva ja Sana, Rauma, 1945.
- Rimmerfors Einar, *Paul Nicolay — Ädlingen från Monrepos*, Gummensons bokförlag, Stockholm, 1950.
- Winqvist Folke, *Paul Nicolay och kretsen kring honom*, Förbundet för svenskt församlingsarbete i Finland, 1944.

2. Книги, лекции, доклады, статьи

- Герои веры. Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России. 1917-1923. Прага, 1929. Второй раздел содержит главу о Николаи проф. Владимира Марцинковского.
- Грачев Ю. С. Студенческие годы. Повесть о студенческом христианском движении в России. СПб., Библия для всех, 1997. Главы о Николаи и Марцинковском.
- Гундерсен П. Этот неисправимый индивидуалист. М., Библейско-богословский институт св. апостола

- Андрея, 2002. То же на финском: Gundersen Paul, *Incorrigibly Independent – A Finnish life*, Саух Editions, 1999, 206-208 стр.; на шведском: *Tusen Vingar – Upptäckter i krig och Fred*, Idé och Kultur, Stockholm, 1995.
- Bestående livsvärden и Välsignelse*. Лекции Николаи в Лааппеенранте в 1912 г.
- Delaktighet i Kristi lindande*, Föredrag — Oxford, 1909.
- Det andliga livets början och utveckling*, Två bibelstudier, Куопио, 1909.
- Filippiläiskirje – Opas Filippiläiskirjeen käytännölliseen tutkisteluun*, WSOY, Porvoo, 1919; SKY, Julkaisuja VI, 87 стр.
- Franzen Ruth, *Studentekumenik och väckelse*, Finska Kirkohistoriska samfundets handlingar 140, 1987.
- Gulin Eelis (епископ Тампере), *Elämn lahjat*, WSOY, 1967. Автобиография в двух томах. Многочисленные сведения о Николаи.
- Hopkins C. Howard, *John R. Mott – 20th Century Ecumenical Statesman*, World Council of Churches, Geneva, – William B. Eerdmans Publishing Co. Материалы о Николаи на двадцати девяти страницах.
- Iso Tietosanakirja*, Финская энциклопедия, 1935; *Svensk Uppslagsbok*, Шведская энциклопедия, 1935.
- Junkkaala Тумо, *Hannulan Herätys*, Helsinki, 1986. Suomen Kirkkohist. Seura. Kirjaneliö. Материалы о Николаи на двенадцати страницах.
- Karl August Wrede Ungdomsvärld och livsgärning*, Söderström & Co, Helsingfors, 1948. Биография Вреде Хельми Гулина.

- Krigsropet*, в *Salvation Army Christmas magazine 2002*.
Статья на три страницы.
- Lehtonen Samuel, *Kristus on minulle elämä – Piirteitä Paul Nicolayn kristillisyyskäsityksestä*, Kirjapaja, 1947.
- Matthews Basil, *John R. Mott – World Citizen*, Student Christian Movement Press, London, 1934. Материалы о Николаи на двух страницах.
- Paul Nicolay: Opas l:n Tessalonikalaiskirjeen käytännölliseen tutkisteluun*, WSOY, Porvoo, 1921; SKY, Julkaisuja XIX.
- Paul Nicolayn puheita*, WSOY, 1924. Предисловие д-ра Алекси Лехтонена. 19 лекций Николаи, прочитанных в Финляндии, Оксфорде, Константинополе.
- Ruoff Eeva, *Muistojen Puutarha*, WSOY, 1993.
- Ståhlberg Ester, *Mathilda Wreden Testamentti*, WSOY, Helsenki, 1949. Глава о Николаи.
- Suomen kristilliset ylioppilaskokoukset 1899-1909*. Выступления Николаи на студенческих конференциях.
- Tatlow Tissington, *The Story of the Student Christian Movement of Great Britain and Ireland*, Student Christian Movement Press, London, 1933. Материалы о Николаи на шести страницах.
- Tiilikä Osmo, prof., *Kristus Kuninkaaksi*, Karas-Sana, 1974.
- Voiko ajatteleva nykyaajan ihminen uskoa Jeesuksen Kristuksen jumaluuteen*. Lecture 1919. То же на шведском, норвежском, английском и русском языках.
- Wrede K. A., *Mathilda Wrede – Persoonallisia muistelmia*, Suomen Lähetysseura, 1932.
- Его же: *Paul Nicolay – Personliga Hägkomster*, Finska Missionssällskapet, 1932. Выступление Николаи на студенческой конференции в Выборге.



Барон Павел Николаи из Монрепо.



Парк Монрепо.



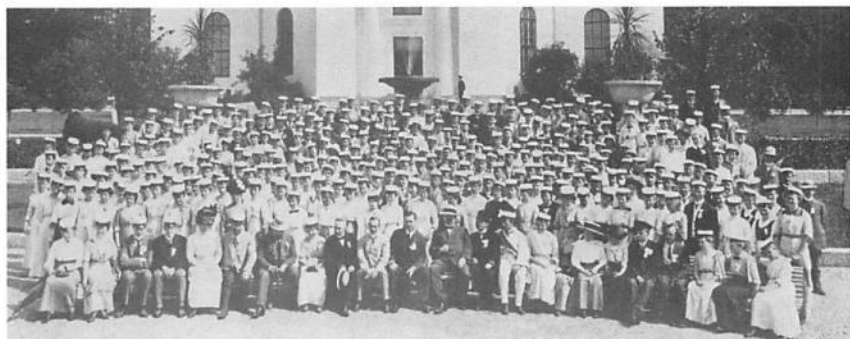
Остров Людвигштейн в Монрепо — место, где располагалось семейное кладбище Николаи.



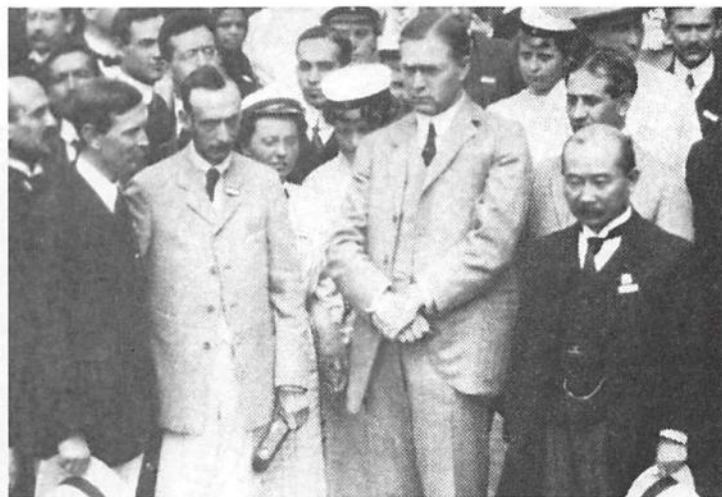
Усадьба Монрепо в Выборге —
родина Павла Николаи.



Вход в парк Монрепо.



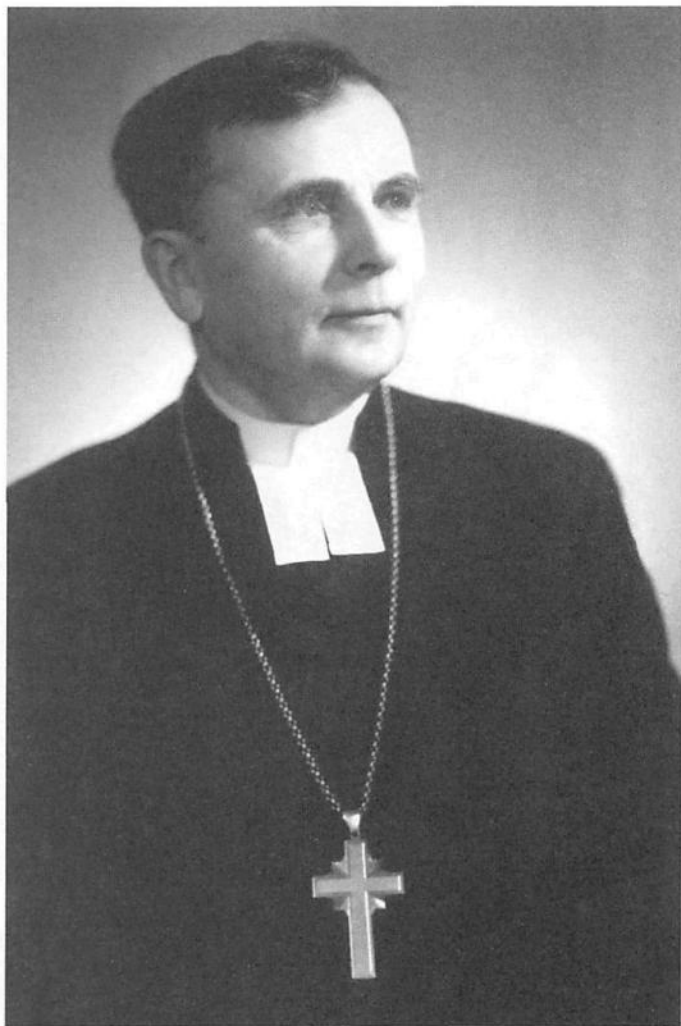
Международная студенческая конференция в Хеминлинне, Финляндия, 1913 год. Павел Николаи, в сером костюме, сидит в центре в первом ряду.



Международная конференция Всемирной студенческой христианской федерации в Лейк-Мохонхе, США, 1913 год. Слева направо: Роберт Уайлдер, председатель конференции барон Павел Николаи, д-р Джон Мокк и президент конференции Ибука (Япония).



Профессор православия Владимир Марцинковский — ближайший соратник Павла Николаи в России. Одно время преподавал этику в Самарском университете.



Алекси Лехтонен, друг и сподвижник Павла Николаи, впоследствии — архиепископ Финляндский. Во время частых приездов в Хельсинки Николаи останавливался у него.

Пол Гундерсен

ПАВЕЛ НИКОЛАИ ИЗ МОНРЕПО

Европеец, не такой как все

Вот уже более 80 лет прошло со дня смерти барона Павла Николаи, а его жизнь продолжает очаровывать людей и оказывать значительное влияние на современный мир. Семья Николаи входила в ближайшее окружение российских императоров. Павлу Николаи, как и его предкам, была уготована карьера дипломата или правительственного чиновника. Что заставило его бросить карьеру и избрать жизнь, посвященную христианскому служению людям и миру? Николаи был убежден, что будущее общества зависит от тех, кто нашел новую цель в жизни, кого поддерживают вера и добрая воля. Наиболее важный труд Николаи — работа в европейской университетской студенческой среде, в основном, в России и Великом княжестве Финляндском.

Во время недавней 600-ой годовщины города Выборга усадьба Монрепо, находящаяся под защитой ЮНЕСКО, а также ее прежние владельцы оказались в центре внимания. Эта книга — первое русское жизнеописание барона Павла Николаи. Родственники автора работали вместе с бароном, и он чрезвычайно рад возможности рассказать российскому читателю о жизни и судьбе Николаи. После трагических событий прошлого столетия жизнь Николаи приобретает особое значение для будущего нашего общества.



БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ
СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

ISBN 5-89647-016-9

